

На калитке каким-то чудом сохранились остатки бумажной ленты, которой ее опечатали полицейские. Я чуть надавил плечом — и изъеденная ржавчиной задвижка упала. Я знал, что, перешагнув этот порог, войду в мир тьмы. И я его перешагнул.

В первый раз я оставался там всего минут десять. Просто прошелся вдоль ограды, заросшей терновником. Кругом все заплонили сорняки. Ива от слабого ветерка покачивалась, словно голова великана. Шелест листвы звучал то громче, то тише, как голоса в хоре. А я разглядывал домик: жалюзи на окнах были опущены, их металл явно пострадал от сырости. Штукатурка начала осыпаться. Раздался стук: порывом ветра захлопнуло калитку. Слово сотни иголок впились мне в тело. Еще несколько метров — и я увидел боковую сторону дома. И часть контейнера.

Некоторое время мы с ним смотрели друг на друга. Он был окружен деревьями, которые словно обнимали его ветвями. У меня в голове пронеслась мысль: если я хочу освободиться, придется раскрыть эту железную пасть. Но я не смог. Не помню, как я снова оказался в машине; сердце у меня колотилось, я включил первую передачу и унесся прочь, поднимая тучи пыли.

Карабинеры терялись в догадках: кто приволок сюда этот контейнер? Когда? Быть может, вначале у преступника был сообщник? Эти вопросы так и остались без ответа. То, что на несколько километров вокруг не было никакого жилья, тоже не проясняло дело. Мой отец оформил этот участок в собственность в феврале 1979 года. За семь

лет и шесть месяцев до моего рождения. В реестрах обнаружили разрешения на строительство дома и на подведение коммуникаций. Все было оформлено по закону.

Выставлять участок на продажу было бы пустой тратой времени. Даже без «монстра с побережья» этот кусок земли на отшибе никого не заинтересовал бы. То же относилось и к квартире, которую я получил в дар на восемнадцатилетие. Более того, весь наш дом, а возможно, еще и соседние, был как зачумленный, и только дойдя до конца улицы, прохожие вздыхали с облегчением. Среди жильцов есть такие, кто не полностью выплатил взносы за квартиру, хотя она потеряла всякую рыночную стоимость. Ходили легенды о людях, будто бы слышавших со стороны лестничного пролета детский плач. Возможно, это хныкала капризная девчонка со второго этажа. Ее зовут Матильда. В школе одноклассницы напугали ее рассказами о призрачных голосах. Теперь она не спит по ночам — лежит с широко открытыми глазами, не зная, что привидение, которое лишает ее сна, — это она сама.

Это словно черная туча, которая с каждой минутой сгущается: ты ждешь, что она наконец рассеется, но она так и висит над головой. Мои пожилые соседи целый день висят на телефоне: им страшно оставаться дома в одиночестве. Почтальоны вздрагивают, когда заходят в наш подъезд, и быстро расковыряют по ящикам корреспонденцию, придерживая ногой дверь, чтобы она не захлопнулась у них за спиной.

Приводя в порядок участок, я как будто лепил фигурку из пластилина, только наоборот. Мне при-

ходило не добавлять недостающее, а устранять лишнее. Скошенную траву я охапками запихивал в нейлоновые мешки, которые отвозил в пункт раздельного сбора мусора. Выглядели мешки так, словно в них спрятаны трупы. Еще я разравнивал почву в садике, который перекопали карабинеры. Однажды нашел в земле монету 1983 года в сто лир.

Первое время я занимался только участком. Самое трудное началось, когда я вплотную приблизился сначала к домику, а затем и к контейнеру. Я скашивал траву, низко опустив голову; как-то раз коса задела контейнер; раздался металлический лязг. А если бы изнутри кто-то откликнулся?

При мысли о том, что придется возиться с моторкой, у меня тряслись руки. Как предположили дознаватели, с ее помощью отец избавлялся от тел. Однако следы пребывания в лодке девочек до похищения Лауры обнаружить не удалось. Лодка была зарегистрирована по всем правилам. При обыске нашли даже права на управление маломерным судном.

В день, когда я решился зайти в домик, всю дорогу до участка я твердил себе: никаких колебаний, вставить ключ в замок — и все. Меня неотступно преследовал пугающий образ: переступая этот порог, я как будто заглядываю в пасть чудовищу. Контейнер был его желудком.

До самого последнего момента я держался. Вставил ключ в скважину, и оставалось только его повернуть, но замок оказался тугим, и я чуть не сломал ключ, да еще и поцарапал костяшку указательного пальца. Я дал этому единственно возможное объяснение: дом не хочет меня впускать. «Нечего те-

бе здесь делать, убирайся», — внушал он мне. Но я не послушался. К замку не прикасались много лет, и он попросту заржавел; со второй попытки я открыл его и рывком распахнул дверь. Впервые за долгие годы в комнату хлынул солнечный свет. То, что я увидел, напоминало фильм ужасов.

Пол был усеян разодранными книгами, клочками бумаги, кухонной утварью, битой посудой. Стол лежал на боку, столешницей к стене, старые пластиковые стулья были перевернуты ножками вверх. Один из навесных шкафчиков упал, вокруг валялись крышки, осколки стаканов. И повсюду — мышинный помет и пыль. Невозможно было понять, где кончалось усердие карабинеров, а где начиналась запущенность.

Я принес из машины фонарик. Не двигаясь с места, обшарил его лучом стены: полка со сковородками, мойка, газовый баллон. Мягкий диванчик, из которого вылезали грязные клочья обивки, испортой во время обыска. Слева — буфет с оторванными дверцами. На полу — два пустых выдвижных ящика. Кроме книг, здесь не было никаких вещей. Только электрический нагреватель и вентилятор. Рядом с кухней-гостиной находилась еще одна комната. Двери не было. Больше мне ничего разглядеть не удалось.

Поиски необычного — дело опасное: есть риск, что ты его найдешь. Я еще не успел сделать шаг внутрь дома, но уже понял: ничто здесь не говорит о нас. Обо мне. Я видел жилище незнакомца. Выбор мебели, стиль, в котором был оформлен дом, не имели ничего общего со вкусами моего отца, каким я его знал. Сплошная дешевка: жесть и фанера. По идее это должно было меня успоко-

ить; очевидно, это место мало что для него значило, раз он не стал придавать обстановке индивидуальные, узнаваемые черты. Однако в доме были стол, мини-кухня, спальня. Иными словами, присутствовал необходимый комфорт, чтобы проводить здесь какое-то время. Возможно, даже жить несколько дней вдали от всего, за пределами привычной жизни. Оазис покоя с маленькой девочкой, запертой в нескольких метрах дальше. Я подумал о бесчисленных симпозиумах, научных командировках, конгрессах, выездных лекциях и конференциях, которые посещал отец. Каждый раз он возвращался измученным и не желал рассказывать о скучнейших ужинах, на которые его постоянно приглашали. Он звонил в один и тот же час, чтобы сообщить, что у него все в порядке. Я представил себе, как он звонит из автомата на ближайшей от участка автозаправке. А потом возвращается в свое тайное убежище и молча варит себе суп из пакетика.

Я распахнул окно, и с оконной рамы посыпались жирные пауки. Только тогда я заметил, как сыро в доме: по стенам расползлось столько пятен, что они напоминали географическую карту.

Спальня была вдвое меньше гостиной. Поперек односпальной кровати лежал перевернутый матрас проволочной сеткой наружу. Все для одинокой жизни. Семья побоку. Комод с выдвинутыми ящиками, пустой, как и двустворчатый платяной шкаф. В углу — маленькая настольная лампа с пластиковым абажуром, покрытым слоем налипшей грязи. В противоположном углу — стопка одеял и какой-то одежды. Ворох отсыревшего тряпья, наверняка кишящего насекомыми; из кучи выглядели красная водолазка, какой я никогда не видел

на отце, и пара пластиковых шлепанцев — ничего общего с бархатными домашними туфлями, которые он надевал дома.

Крошечный туалет, похожий на чулан: только унитаз и умывальник. Душ — в потолке, под ним, на полу, отверстие для стока воды. Я попробовал открыть кран. Трубы ответили мне странным гудением.

Очистив от мусора сад, я принялся за дом. Теперь я возил на свалку разломанную на части мебель. Приятно было бить по всей этой рухляди топором и ударами дубинки дырявить шкафу бока. Я не стал спасать даже то, что еще можно было спасти. Еще мне нравилось драить стены, отскребая с них грязь. Я решил выкрасить все, даже фасад, белой краской вместо бледно-желтой, которую когда-то выбрал мой отец. Положил плитуса, заказал деревянные оконные рамы и ставни; покрасил их в светло-вишневый цвет, как и забор. С мастером, менявшим трубы и сантехнику, пришел помощник, плечистый угрюмый тип, похожий на гориллу, — мне было не по себе, когда он стоял у меня за спиной. Зато албанцы, которые делали ремонт на кухне и в спальне, вели себя так, словно понятия не имели о том, что здесь случилось. Как и парень, пришедший по объявлению о продаже лодки. Мое предложение отличалось предельной простотой: забирай лодку в том виде, в каком она есть, и делай с ней что хочешь. Ему было совершенно безразлично, что здесь держали в плену маленьких девочек, его заботило одно: сколько денег уйдет на ремонт лодки. Прицеп он тоже увез с собой. В конце концов нетронутым остался только контейнер.

Вопреки ожиданиям первая ночь в отремонтированном домике прошла у меня спокойно. Я спал крепким здоровым сном. Возможно, я просто тянул время; но, прежде чем войти в железный ящик, я его перекрасил. Раньше он был коричневый, как вагон для скота (благодаря чему он был незаметен со стороны дороги), а теперь стал ярко-красным. Я легко и быстро справился с этим в одиночку. Это походило на откровенное признание: внешний облик многое говорит о содержании. Многое, если не все.

Теперь меня редко видели в городке. Я приезжал, только чтобы достать из ящика почту. Взять кое-какие необходимые вещи — одежду, компьютер, инструменты и материал для миниатюрных фигурок. Соседи смотрели, как я выхожу из подъезда с коробками. Сами они, эти славные люди, украшение общества, не имели возможности последовать моему примеру: у них не было счета в банке, который позволяет при необходимости круто изменить жизнь. Не исключено, что мой отец предусмотрел и вероятность разоблачения. И заранее позаботился о моем будущем.

А потом я понял: пора.

Вскрыть контейнер оказалось нелегко. Замками слишком давно не пользовались. Пришлось повозиться, попотеть. Я пустил в ход все свои инструменты, но дверь не поддавалась, словно приваренная. Я сменил тактику. Попытался оторвать вертикальные полосы на двери, снова и снова держал за них, рискуя получить внезапно оторвавшейся железкой по лицу. Наконец дверь приоткрылась: сквозь щель ничего нельзя было разглядеть,

но я всунул туда монтировку и использовал ее как рычаг.

Контейнер открылся с устрашающим звуком, похожим на нечто среднее между ревом и предсмертным воплем. На меня пыхнуло теплом, словно из пасти уснувшего дракона.

Так бывает всегда: оказавшись наяву перед зверем, населявшим твои кошмары, испытываешь разочарование. Этот большой ящик внутри был абсолютно пуст — карабинеры обглодали его до костей. Пока шел процесс, Мартини рассказывал мне, что в этой тюрьме не было ничего пугающего. Никаких мясницких крюков, отточенных лезвий или чего-то в этом роде. Да, Лауру удерживала цепь, но она могла вставать с койки, чтобы справить нужду (здесь имелись два ведра с герметично закрывающимися крышками), выпить воды или съесть сухарик. Справа стоял небольшой стальной стеллаж, заменявший шкаф и комод. Напротив — письменный стол (отец приносил с собой книги, тетради и цветные карандаши) и лампа, свет которой просачивался через отверстие в двери. Я еще из домика сразу заметил этот белый кружок, похожий на отверстие от пули и четко выделявшийся в полумраке. Лаура не сошла с ума потому, что во время долгих перерывов между визитами тюремщика не сидела в темноте. Если только гроза не повреждала линию электропередачи — в этих случаях света приходилось ждать по нескольку дней. Полиция проверила счета за электричество. Расходовала его главным образом девочка, которая за эти годы превратилась в подростка, а потом в женщину. Раз в неделю ей доставляли батарейки для плеера. У нее скопилась большая коллекция записей с последними новин-

ками. И все номера детского журнала сказок, выходявшего дважды в месяц. Во время процесса Мартини сказал мне еще кое-что, из-за чего я вздрогнул: «Девушка утверждает, что за четырнадцать лет заключения твой отец не сказал ей ни слова».

Однажды в воскресенье мы с ним поехали на машине, просто так, покататься. Я только что получил временное водительское удостоверение и был вне себя от счастья. Мне не терпелось продемонстрировать, чему я научился на уроках вождения. Получить в подарок новенькую машину и не иметь возможности ею пользоваться — это было ужасно. Я воображал, как распахиваю левую дверцу, чтобы сесть за руль, а отец впервые занимает место пассажира. «Сегодня я поведу». И начнется новая глава в моей жизни.

Отец вел себя спокойно. Не сделал мне ни одного замечания. Промолчал даже перед светофором на виа Сальчета, когда я слишком резко отпустил сцепление, и мы заглохли на перекрестке, а позади ревели клаксоны. Меня охватила паника. Я уже предчувствовал позор поражения: сейчас я открою дверь, обойду вокруг машины и с пылающим от стыда лицом рухну на пассажирское сиденье, уступив место за рулем взрослому, — я, новичок, который заблокировал уличное движение. Отец сидел молча, неотрывно глядя вперед. Он добродушно улыбался, не обращая внимания на хамов позади, которые сигналили без конца, словно не видели буквы «У» на заднем стекле. Особенно старалась какая-то тетка в табачного цвета «фиате-панда», с нервной собачонкой, вскочившей на приборную панель. Он заговорил только

после двух моих безуспешных попыток тронуть машину с места: в итоге перед тем, как загорелся желтый, я взял себя в руки, и мы поехали. Он сказал: «Что-то я проголодался. Отвези меня куда-нибудь поесть».

Возможно, в воздухе тогда присутствовали какие-то таинственные флюиды: очень скоро мы увидели маленькую закусочную, которой сейчас уже не существует, — на обочине регионального шоссе, всего в нескольких километрах от участка. Не знаю, почему я выбрал это направление, но, свернув с автострады, я пересек четыре полосы и покати́л прямо туда, как будто услышал зов. Там было полно дальнобойщиков. Они сидели под навесом, увитым виноградом, а дальше простирались поля. День был ясный и солнечный, мы расположились за столиком на воздухе. Казалось, все это происходит в кино. Мы проехали не больше сорока километров, но машину вел я и чувствовал себя властелином мира. Мы оба молчали; отец в совершенстве владел искусством паузы; иногда его молчание бывало просто бесценным. Мы наслаждались новым измерением наших отношений. И только в конце обеда он сказал: «Что это у тебя там?»

Я взглянул на свое плечо. И увидел веточку, которая, видимо, упала на меня с дерева. Щелкнул по ней пальцем, но она зацепилась за футболку. Щелкнул еще раз. И тут заметил, что она шевелится.

Это было насекомое — палочник. Впервые я видел его так близко. Будь это паук, я вскочил бы, но эта букашка не вызывала у меня отвращения, какое я испытывал, например, к кузнечикам. Мне захотелось показать, что я могу преодолеть чувство брезгливости, и я остался сидеть с невозмутимым